

Потехин

ЗАПАДНЯ

История одного человека

16+

Валерий Потехин

Западня

«ЛитРес: Самиздат»

1999

Потехин В. Н.

Западня / В. Н. Потехин — «ЛитРес: Самиздат», 1999

В этой повести рассказывается, как непредвиденные обстоятельства едва не отобрали жизнь у человека....

© Потехин В. Н., 1999
© ЛитРес: Самиздат, 1999

Голос жены разбудил его. Она на кухне давала наставления сыну – где играть с младшим братом и сестрой, и когда прийти кушать.

Со столика выпил пол бокала воды, прикурил сигарету. В комнате полумрак, солнце едва пробивается сквозь оконные шторы. Начало осени; день сухой, солнечный. Вышел на кухню, присел на диван и закурил ещё. Жена подошла, положила руки на плечи. Улыбка в глазах и голосе – Что, папочка, очень тяжело?

– Не то слово. Что стакан, что бутылка – болею одинаково, пить нельзя совершенно. Умереть очень просто, сколько угодно случаев.

– Вот чай, как ты любишь, позавтракай. Докурил, выпил чай – кушать не буду. С холодной водой станком снял щетину с лица. Немного стало легче.

– Не казись – вчера было можно, это наш день с тобою.

– Понятно, не успокаивай, вчерашнее хорошо сегодня боком выходит. С посудой закончила? Налей чайку, посидим рядышком – перекур сделаем.

Татьяна присела напротив. От первого брака уже было две дочери – ныне подростки. Девочки своенравные, избалованы отношением матери – растут без отца. Восемь лет живёт он с ними. Заботился, баловал как мог, в место папы родного. От него ни слуху, ни духу ни рубля единого. Старшая дочь физически вызрела, младшая – на подходе. Строгий запрет отчима на сигареты и поздние гуляния привели к жесткой конфрактации между ними. В итоге девочки глубоко наплевали на его слова и запреты – отчим – что он им сделает? Тем более, что живёт у них в доме, а к маме всегда можно подластиться. Это выводило из себя, доводило до бешенства. Знакомым мальчикам раздавался: его инструмент, вещи личного пользования, в его отсутствие устраивались вечера друзей и знакомых с соответствующей атрибутикой вина и музыки. Он решил уходить, семья рушилась...

– Может взять тебе, что-нибудь поправиться?

– Вчера были Василий с Катей, что они?

– Не знаю, что они, а Вася, в окно глянь, идет по дороге.

– А ну ка зови его!

Татьяна выскочила, подбежала к калитке. Вася прошел в дверной проем чуть наклонясь полубоком – комплекция богатырская.

– Здорово хозяин!

– Спасибо, ты здоров, а я что-то не очень, обед, как раз покушаешь...

– Сиди.

– Тань, ты сходишь?

– Я быстро.

Ушла, задёрнув шторы от солнца.

– Где ваша старшая?

– А пес ее знает – четвертые сутки где-то болтается. Нет удержки, нет на них управы. Младшая по ночам болтается, ухмыляется в глаза. Уходить домой собираюсь сегодня. Отдохну дома, а там видно будет. Куда ночью позавчера на своем „запфе" бзыкал?

– Подруги покатались попросили

– Покатал?

– Со всеми вытекающими отсюда...

– Заждались алкоголики?

В дверях запыхавшаяся Татьяна. Наложила в тарелки горячего, поставив на стол бутылку.

– С похмелья мне не эту нужно пить гадость, по голове ударит, необходимо пиво.

– Не больнее, чем сейчас будет, подлечишься, а пиво не брать в нашей деревне. Выпей, покушай.

– Не томи мужа, открывай белоголовую – на нем лица нет.

Выпил залпом не нюхая, стопку. Обожгло пищевод. Взял сигарету, отложил. Съел с тарелки немного.

– Ну, хозяин, теперь со мною в догоночку. Выпили. Татьяна рядом сидит, смотрит участливо.

– Выпей чаю горячего. – Налила всем в стаканы. Отхлебнув закурили с Василием.

– А где же ваша младшая краля, Танечка?

– В три часа ночи пришла, ночью скандалить с ней не стала – оставила до утра разговор. Так она в шесть часов утра умелась – поймала момент пока я отдыхала. К школе все, слава Богу, взято, в понедельник отправлю – гулять некогда будет... После третьей стопки ему стало хорошо и более чем отпустило.

– Танюша, погладь пожалуйста брюки с рубашкой. Хочу сегодня домой добраться. Тем более, что твоей старшей нет дома и видеть ее у меня нет никакого желания.

– Успокойся пожалуйста. Куда ты пойдёшь глядя на вечер? Попутного транспорта наверняка не будет. 30 километров, это не три. Покушай хорошо, выпей еще стопочку и ложись отдыхать. Сегодня все приготовлю, утром соберу малышей и поедем к родителям вместе.

– Ладно хозяин, я пошел. Ты, действительно, отдохни сегодня, утром свеженький будешь дома. – Василий вышел.

Василий – парень тридцати лет, сам себе на уме, вообще не промах. Родители в городе, здесь свой дом, холост, живет в свое удовольствие. Не плохо начитан, закончил техникум. С подружкой Катериною отношения довольно-таки странные. Она на несколько лет его младше, в обеспеченной семье младший ребенок. Они не могли обходиться друг без друга более суток, тем не менее регулярно жестко ругались. Не брезговала вечеринками и без него, новыми знакомствами. Сорились, мирились, опять сорились и так далее. Теи не менее дело двигалось к свадьбе.

– Понимаешь ли, Таня, если твои крали заявятся – они не упустят случая напакостить. От них не однократно были угрозы посадить меня при первом удобном случае, если не уберусь от сюда. Эта игра с огнем, оставаться здесь можно только при полном идиотизме.

– Не совсем же они дурочки. Что мы все без тебя делать будем? На-ка закусывай, тебя уложу – отдыхай спокойно, малых накормлю – до темна на улице пограются. Если хочешь, еще сбегаю.

– Сильно хорошо – тоже плохо. – Прикуруил и с наслождентем затянулся – вчера черезчур хорошо было, по темноте в туалет шел – о ветку с вашей яблони без малого пол лица исцарапал, как глаз цел остался – налетел как-то с маху. Всё к ней ни как привыкнуть не могу, хоть режь ее или туалет переноси на наво.

– А ты заметил какими глазами на нас вчера Катя смотрела? Она нам завидует.

– Велика зависть – будем жить с тобой как любовники. Из – за каких-то обнаглевших на нет двух соплячек. Мне лучше уйти, сегодня, ты же знаешь, гадости в жизни мне тоже хватило – бывает что дерьмо, иной раз, за версту чувствую. Очень и очень мне не спокойно. Заявятся милочки, – я почти пьян, лицо исцарапанно. По синяку друг другу поставят и сдадут лет на пять, как минимум. По теперешним временам да с моими нервами и здоровьем – месяца там не вытяну. Не говоря уже о то, что визы лишусь и будет крест на всем, на что надеялся...

– Говорю тебе – ничего не бойся, отдыхай спокойно. Иди ложись. Девченки мои появятся – я им мозги вправлю.

Солнечный день был на исходе. Скоро должны прибежать малыши – голодные и шумливые, как галчата. Поднялся и ушел на софу в спальню. Подошла Татьяна, принесла чай, присела рядом. – Спи, завтра утром уедем. Положила свою руку на голову и он мягко провалился в блаженную темноту сна. Проснулся от того, что жена устраивалась рядом. За окнами темно.

– Где дети?

– Уложила спать, отдыхай до утра. – Она не сказала ему, что младшая ее дочь сидит с друзьями в летней кухне и двери в дом не заперты. Он уснул снова; крепко и без сновидений. Яркий свет прямо в лицо. Он открыл глаза: в спальне темно, прямо в глаза яркий лучь света. Его сорвали с постели, едва не упал лицом в перед, наискось между лопаток чем-то сильно ударили, одновременно дернули в перед его руки и чем-то жестко защелкнули их вместе, – он понял – наручники. С постели в одной комбинации подскочила перепуганая Татьяна.

– Что вы тут делаете?!

– Милиция, ты молчи лучше!

Его вытолкнули из спальни в комнату, где горел свет. Там находились ее младшая дочь Нина и старшая Лилия. На пороге в прихожую стояли Катерина и какая-то молодая особа. Мелькнула мысль: всё сложено, забьют до смерти. Что останется увезут к себе – добывать будут... В своей юности ему пришлось познакомиться с методами работы советской милиции. Впрочем как и многим другим гражданам Великой державы.

– Что орел, до игрался? – потащили к выходу. Всем телом отработал жесткий упор.

– Дайте одеться! – их было трое: двое за руки, один выталкивает в спину. Лет по 25 – 28 – расцвет сил, высокие, крепкие. Слабоков не ставят на выезд. Удар тычком ладони под левое ухо – обязательно, сволочь! Профессионально в нокдаун – выдербнулся. Но жена уже наклонилась с брюками к его ногам и штиблетам. Дали одеть их. Поволокли из дому. – Ударь по затылку, Танюша! – Один вышел к машине, двое тянули за руки. Она поняла, что он просит ударить его топором, который всегда стоит у дверей (так, на всякий случай). И не ударила... Внутри: растерянность, страх, паника, опустошенность... Знала, что предаст его и не ударила.

Вытащили из дома. Подумал – нельзя дать увезти себя, ни в коем случае! Закричал во все легкие: Люди! – Посыпались удары: в печень, по челюсти. – Люди! – Лёогтевым захватом стиснули шею – Люди!! Вывкрнули голову до хруста, до темноты, до желтых искр в темноте этой. Замочал. Звать бесполезно, хуже себе сделаешь. Вывели за калитку, одну руку освободили; другую пристегнули к забору. Вот уж забор, кто его только и делал, Господи! Что ограда могильная, только, что выше немного.

– Хорошо гад пристроился, с троими живешь потихонечку!

– В чем дело?! Мне наконец объясните!

Догадка в чем обвиняется – ножом полосонула по сердцу. Удар сзади по печени, на убой, тренированный.

– Не ты мальчишку сегодня на пруду изнасиловал? Его родители у нас дожидаются. Посыпались снова удары с боку и сзади по окончаниям ребер, в область почек и печени, заломали свободную руку.

– Его тебе мало было?! Пришел домой и девочку изнахратил!

Некогда хорошо тренированное тело для службы Родине, мгновенно интуитивно предчувствуя точку удара, бросало туда максимальное напряжение, защищая этим внутренности от повреждения.

– Не кричит, не просит, не падает; сволочь какая!

Два тяжелейших удара под левую грудь прямо по сердцу. Вголове у него – готово, поломано, не во внутрь слава Богу.

– Никто не мешает – хорошо, бей как чучело в тренировочном зале – давай отработывай.

Бить перестали – запалились родимые. Горячей, тяжелой, свинцовой болью пропиано тело. Печень, почки, легкие ныли, ребра покрошены. Ноги держат едва дрожа – сесть ельзя – думал он – запинаят.

– Парни, я не виновен..

– Ты смотрел на себя в зеркало, пьяная гадина?

– Требую понятых! – еще раз удар по сломаному.

– Будут тебе понятые, с нами представитель прокуратуры.

Значит та молодая особа. На крыльцо вышла Катерина, стала кричать ему:

– что, доигрался? Ты же житья здесь никому не даешь! Девочек запугал до смерти, заставляешь с собой ложиться. Хорошо, что мы сегодня с Лилей в окно увидели: как ты Нину насиловал, и сегодня же мальчика на пруду – люди видели. Чикатило! Я тебе, это устроила, тебя убивать нужно. Пятнадцать лет дадут – самое малое, врядли там выживешь, сам себе весь такой умница..

– Да ты что, Катенька? Я вторые сутки не выхожу из ограды, с Татьяной был все время в плоть до минуты.

– Она покрывает тебя, ее вместе с тобой нужно!

Один сел в машину, другой плшел в дом, третий остался рядом. Из летней кухни в дом пошла Нина.

– Нина, девченки, что же вы делаете?

Два удара на отмашь с зади у поясницы, боль перехватила дыхание.

– Меня же убьют, опомнитесь! Что вы без меня делать будете? - Удар ниже уха по челюсти.

– Молчи сука!

Включили на улице свет. Нина посмотрела на него, без всякого выражения, безразлично. Глаза: остекленевшие, круглые – пьяная, двенадцать лет девочке. – Садистки – подумал он – похоже конец тебе Степа. Мужаемся. Из последних сил дышим ровнее. Выжить – пол шанса из тысячи, если он только выпадет. Ради всего, ради дочери, постараться тогда взять его и использовать. – Обе зашли в дом.

– Подписывайте, Татьяна Ивановна, показания дочери – молодая особа.

– Я буду подписывать только свои показания.

– Какая же вы мать? Кого покрываете? Здесь про вас тоже есть, поедете тогда с нами, как соучастница.

– Не поеду, – на мне криминала нет, здесь все сплошная ложь! Вызовите по повестке. Тем более дома маленькие дети. Или их теже посадите ночью, сейчас, вместе с мамой?

– Подписывайте, ему уже все равно. Так или иначе вы больше его не увидите.

– Если он выживет, сделаю все, что бы вытащить его из этой грязи.

– Вам этот чикатило дороже дочери, вы не должны быть матерью. Вам нельзя оставлять детей, вы не женщина!

– Этот вопрос мы разберем несколько позже, с Вашего позволения.

От слов Татьяны в его защиту просто – напроосто отмахнулись. Начали снимать показания с так называемых свидетелей. Вася тоже присутствовал здесь, спокойно так, ненавязчиво. Катя и он – понятия. Перезнакомился с ребятами из наряда – примерно ровестники. Пока сыр да бор, выпил на кухне стакан водочки, закусил хозяйской закуской и вышел к калитке, к прикованному.

– Вася, объясни ребятам, что я был только и только с Татьяной все время, с тобой же пили и опохмелялись.

– Ты меня, Степа, в эту кашу не путай. За все отвечать нужно. Мало быть крепким и грамотным – нужно еще жить честно и правильно, там разберутся. Мужики, вы с ним понимаетельнее, это умный, скользкий, выносливый кадр, что бы не выскользнул и не выкрутился.

– Докрутился, поздно выкручиваться. Теперь ему вообще точка будет.э

– Ну если я доживу до утра – докажу, что не виновен... А если вообще выживу – с тобой Вася, разговор еще будет...

– Теперь врядли уже, Степа.

Боль обожгла с зади.

– Вот такие-то интелегентные, хитрые умники и совершают тяжелые преступления.

Из дома вышла Татьяна, направилась в летнюю кухню. Степан стоял только на ниточке воли. Кроме того в горле и рту пересохло, разбитые губы потрескались, в нутри невыносимо горело.

– Танюша, принеси воды и сигарету, пожалуйста. – Боль кипятком с боку по ребрам.

– Молчи гадина!

Таня принесла стакан воды и заженую сигарету.

– Ему нельзя!

– Да вы что? Это же муж мой!

Степан взял бокал, но выпил только до половины – вырвали. С сигареты только раз глубоко затянулся – сломали. Получил новую порцию в ребра. Степан стоном неотреагировал, подумал – еще раз и чуть по точнее – обломки вонутся во внутрь.

– Таня, я требую экспертизу. Сейчас же со мной отправь свою Нину, отказать не посмеют, снимают с работы, иначе конец.

– Доживи до утра Степа, я все сделаю. Все будет хорошо – обещаю. Нина поедет с вами!

– Утром обязательно сообщите родителям.

– Тебе нельзя с ними разговаривать. Уведите ее Вася.

Вася взял Татьяну за плечи и увел в дом. Охранник ушел вместе с ними. Степан осторожно попробовал наручник: снять бы его с ограда, да побежать через дорогу на поле не очень быстро, чтоб пристрелили – лучший исход в такой ситуации. Догнать не дал бы себя – только на выстрел. Держится крепко, надежно. Даже если бы и случилось такое чудо, 30 км в таком состоянии не пройти, а если и доберешься – у дома возьмут и домордуют. Тот который сидел в машине, заметил движения.

– Что, бежать хочешь сволочь?

Вышел из „нивы" и два раза, что есть силы с размаху ударил по печени. Охнул Степан, не выдержал, опустился на корточки – Встань сука! – Поднялся. Таня: принесла полувер и куртку.

– Нельзя!

– Почему?

– Ему уже не понадобится.

Но она молчком, все же его на один рукав полувер одела и набросила куртку. В доме проснулись, заплакали дети.

– Иди тая.

– Держись Степа, утром все хорошо будет, там подписывают, скоро поедете.

– Иди..

Убежала к детишкам. На крыльцо вышла совместная дочка 2.5 годика, сонная. Увидела отца, со всех ног бросилась к нему.

– Где же ты Папа?! Зачем здесь эти дяди?

– Все хорошо доченька, они в гости приехали.

Степан присел на корточки, дочь забралась на колени, раздетая.

– Нельзя! Отойди от него, слышишь?

Девочка с испугом посмотрела на дядю.

– Что, тебе жалко?

Водитель взял ее за руку

– Не трогай ребенка, сволочь, сам сядешь, за нее есть кому заступиться, это я тебе гарантирую!

Тот отшатнулся, выпустив руку девочки, отошел назад. Девочка прижалась к Степану, он укрыл ее полувером и курткой, так и сидели. Папа самый любимый, единственный, и папина доча – любимица, на всей земле самая чучшая девочка. Сидели так пока не вышла из дому вся честная компания. Таня взяла малышку на руки. Его отстегнули от забора, руки сковали снова, посадили на заднее сиденье. Рядом охранник, далее молодая особа и вновница всег этого тор-

жества – Нина. Поехали. Пока ехали в район, охранник донимал Степана издевками и угрозами. Степан предпочел помалкивать, пытался подремать – хоть немного восстановить силы. Жидким металлом боль по всему телу, нутро горит, в горле и во рту пересохло, голова кружится, каждый вздох дается с трудом – мучением. Подъехали к районной больнице. Зашли все в приемный покой. Кого-то вызвали, ждали не долго. Увели Нину осматривать. После осмотра Степана проверили только на алкоголь – дул в трубочку. Вся компания стала как-то спокойнее. На прозбу Степана попить, ответили, что скоро он будет на месте: там воды сколько хочшь будет и курево. Нину оставили на ночь в больнице, все остальные опять в машину и в РОВД. Там его передали дежурному. Ждал он, в так называемом фоее не долго, минут 10 – 15. Потом провели в помещение содержания под стражей. Довольно просторная комната – дежурка. Далее за двойной решеткой коридор, по обоим сторонам каменры.

Сказали снять: шнурки, ремень, часы – он спал с ними, вытащили шнуровку из куртки. Открыли двойную решетку и камеру первую с права – третий час ночи, толкнули прямо, на треть камеры, сплошной настил – нары, спят двое. С права у нар в углу ведро с водой, в левом углу у входа не высокая отгородка с помостным бочком – параша. Камера освещена лампочкой зарешоченой над дверью. С трудом подошел к ведру, черпал и пил разовым стаканчиком воду, долго с наслаждением, не менее трех литров наверное. Один из спящих проснулся, посмотрел на него. Степан спросил: – Парни, закурить можно?

– Бери, вон папиросы лежат. – Повернулся на бок, уснул снова. Степан прикурил; жадно, в головокружении с удовольствием втянул в себя ее всю без остатка. Выпил воды и осторожно, прислушиваясь к боли, стал устраиваться на ночь на нарах. Устроился, блаженно прося отдыха тело взялось истомою.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.